

с. 3.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦИЮ.

М. г., г. редакторъ!

54-2
Прошу напечатать нѣсколько строкъ по поводу разговора г. Горькаго съ публикой, возбуждавшаго немало толковъ въ газетахъ.

Тѣ, что писала сообщенія объ этомъ случаѣ, и тѣ, что разсуждали о немъ въ печати, по всей вѣроятности, свидѣтелями самаго случая не были, такъ какъ въ ихъ передачѣ извращены даже факты. Прежде всего надо сказать, что въ тотъ вечеръ на сценѣ давали «Чайку», а не «Дядю Ваню», и это не имѣло бы знать господамъ «свидѣтелямъ»; затѣмъ, вопреки сообщеніямъ, ни А. П. Чеховъ, ни г. Горькій въ теченіе всего спектакля не выходили ни въ фойе, ни въ буфетъ ни одного раза; г. Чеховъ оставался все время за кулисами и выходилъ лишь на сцену по громкимъ вызовамъ публики, и нигдѣ, кромѣ сцены, публика видѣть его не могла, а г. Горькій сидѣлъ въ ложѣ бельэтажа съ своими друзьями и въ антрактахъ посѣтительно уходилъ въ закрытую для постороннихъ гостиную при директорской ложѣ, для чего требовалось сдѣлать по коридору всего лишь нѣсколько шаговъ.

Задержанный личными дѣлами, г. Чеховъ пріѣхалъ въ театръ не къ началу спектакля, о чемъ послѣ перваго акта вслухъ сообщилъ г. Станиславскій со сцены: «Авторъ еще не пріѣхалъ». Такихъ образомъ, оваціи по адресу г. Чехова начались лишь послѣ втораго дѣйствія. И только что успокоился зрительный залъ, только что послѣ многихъ выходовъ г. Чехова закрылся занавѣсъ, какъ нѣкоторая часть публики устремилась къ гостини, гдѣ г. Горькій бесѣдовалъ съ близкими знакомыми, и начала выражать желаніе видѣть Горькаго, котораго такое желаніе и смущало, и удивляло: — «Зачѣмъ они вызываютъ меня, когда идетъ пьеса Чехова?»... Но возгласы за дверью становились все энергичнѣе, все настоятельнѣе; наконецъ, дверь начали пріотворять и начали даже заглядывать въ комнату, выкрикивая: Горькаго! Горькаго!.. Такъ прошепелъ весь антрактъ.

Писали, что г. Горькій упрекаетъ публику въ томъ, что она собралась смѣяться на него, какъ на балерину или какъ на утопленника, но, сообщая это, забыли сказать самое главное, а именно то, что было причиной рѣчи, или, какъ теперь называютъ, «выговора». Обращаясь къ публикѣ, громко зааплодировавшей при его появленіи, г. Горькій сказалъ: — Не хорошо, господа: вы ставите меня въ неловкое положеніе передъ Антономъ Павловичемъ. Вѣдь идетъ его пьеса, а не моя, и при томъ такая прекрасная пьеса», и т. д., и т. д.

И вообще рѣчь его была обращена не къ публикѣ театра, а только къ той ея части, которая въ теченіе всего антракта шумѣла въ коридорѣ, аплодировала и вызывала Горькаго на «чеховскіе» спектакли.

Н. Телешовъ.